

Читайка

Н. ИЛЬИНА

Герочкина любовь

Автор рассказов о домашних животных, учитель с большим стажем Н. Ильина, в своем письме в редакцию взволнованно пишет: «Меня пугает, что взрослые (живу последнее время в деревне) стараются воспитать в детях жестокость: считают, что так им сейчас будет легче жить. Хотелось бы помогать им в доброте». Цикл рассказов о собаке Герочке и её хозяевах учит любить мир и творить его как мир добра и благородства.

Май начинался ярким солнцем и яркой зеленью. Герочка радовалась жизни и маю. На улице она бегала вокруг деревьев, пыталась поймать бабочек, играла с большими, как она сама, собаками и странно вела себя с маленькими.

Она ласкала их, лизала, закрывала и согревала своим полосатым телом, пыталась «пасти» — оберегала их ото всех, даже от их хозяев. Дома собирала мягкие игрушки и заботилась о них так же, как о маленьких собачках.

Нам стало ясно — она «помешалась» на детях, ей обязательно надо стать мамой.

Как только она поняла, что это поняли мы — стала умоляюще смотреть на меня, чтобы я немедленно нашла ей мужа.

Мы звонили друзьям, читали объявления, посетили нескольких претендентов. Но... они не нравились ни нам, ни Герочке: то мелок, то глуп, то зол, то кривоног, то излишне слюнвяв, то хозяин называет невозможную сумму предварительной оплаты. Где найти достойного для Герочки и доступного для нас?

И мы пошли в «народ» — ходили по окрестным дворам и всех спрашивали — не

живет ли здесь красивый боксер? Кто-то удивлялся, кто-то называл имена мастеров спорта по боксу.

И вот чудо — в соседнем доме нам показывают квартиру, где живет страшный, здоровенный пес, кажется, боксер.

Мы решительно направляемся туда, хотя мои дочери и муж смущаются необычностью визита.

Дверь открывают очень милые ребята — молодожены Лена и Валера. За их спиной любопытствует громадный головастый рыжий красавец-боксер — Алдан. Я объясняю цель наших поисков и представляю «невесту». Ребята смущены, но лишь на мгновение. Они рады нашему приходу, и мы договариваемся о встрече на завтра. Условия оплаты радуют нас — один будущий щенок.

На другой день мы встречаемся в лесу. Герочка и Алдан узнали друг друга и обрадовались, как дети. Они бегали, прыгали, толкались. Герочка кокетничала, а Алдан ухаживал за ней деликатно и трогательно.

А потом они начали танцевать. Расходились на несколько метров и бросались навстречу друг другу. Взметали вверх поч-

ти в полный рост, стоя на ногах, как встают на дыбы лошади, сталкивались грудью, образуя живой фонтан. Это было удивительно красиво и даже величественно.

Мы встречались с Алданом этим маем еще несколько раз. Потом — через год, потом через два. И всегда они, как люди, радовались встречам, ухаживали друг за другом, взметались «фонтаном».

Через много лет я случайно встретила у метро Валеру с Алданом. О нем, как потом оказалась, ходила слава непобедимого страшного злобного бойцового пса, агрессивного ко всем, кроме хозяина. Но тогда я этого не знала и радостно бросилась к собаке со своими объятиями. Алдан задрожал всем телом, заскулил и стал захлеб лизать мне руки и лицо. Видно, от меня пахло его любимой — он не забыл нас.

Но хозяин быстро оправился от удивления, резко дернул за поводок и быстро увел пса от меня. Это были трудные времена, и собачьи бои стали единственным средством существования их семьи...

Но это все было потом.

А пока — через месяц у Герочки уже всем стал виден уютный большой животик. И мы все ее родные и близкие, включая наших соседей по даче, были озабочены добычей ее любимой печенки — с ней мы варили для будущей мамы бесконечные каши, которые очень быстро кончались, проваливаясь во все растущий животик.

Он становился таких невообразимо больших размеров, что казался отдельным от Герочки. Когда она садилась, перед ней будто лежал громадный полосатый, но не зеленый, а коричневый арбуз.

Но и с таким арбузом она бегом взбиралась на чуть склоненную вербу, увлекшись игрой с котенком. Такая легкая и грациозная она была, несмотря на свои внушительные формы и размеры.

Когда пришло время появиться на свет ее детям, Герочка занервничала и стала ходить за мной, чтобы я устроила ей удобное место.

Сначала я постелила ей в комнате в тихом уголке старую мужскую шубу, накрыла ее клеенкой, а потом большой плотной простыней. Но она продолжала ходить за мной с тревожным видом.

Тогда я перенесла все в угол летней террасы, теплой, солнечной, но совер-

шенно не тихой. Герочка, которую, видно, совершенно не смущали, а, наоборот, радовали люди, наконец, кряхтя, как бабуля, улеглась здесь и успокоилась.

Мы посидели с ней, поговорили и, не дождавшись никаких новостей, ушли пить чай.

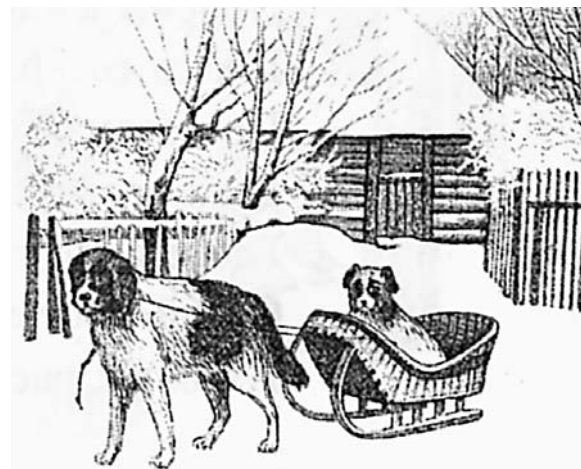
Примерно через час Олин приятель, который уходил домой через террасу, вдруг закричал: «Герочка родила щенка!» Мы все бросились к нашей любимице.

Она встретила нас полулежа, спокойно и с достоинством и продолжала свое гордое и важное дело. Как мыльные пузыри, не торопясь, появлялись на свет один за другим темные блестящие комочки.

Герочка старательно облизывала их, осторожно подгрызая пупочки, массируя язычком, пока они не начинали, сердясь, уворачиваться от мамы, и подталкивала к своим живым соскам. Присосавшись, они сразу наполнялись молоком и жизнью, становились толстыми, упругими.

А мы все сидели и считали: три, семь, одиннадцать! Последнему, самому маленькому, не хватило сосочка — их у Герочки было только десять. И она попыталась оттолкнуть его от себя. Так в дикой природе делают все животные и даже, говорят, официальные собаководы. Но мы, простые и сердобольные смертные, устыдили нашу «маму», отодвинули толстого первенца и на его место положили последыша.

Мы вывели в люди всех одиннадцать детей. Все они выросли здоровыми, сильными, красивыми и умными, как их родители. Потом мы долго перезванивались с их новыми хозяевами. И те не могли нарадоваться на свое приобретение. Особенно

всех поражали интеллектуальные способности наших питомцев.

Одна дама была даже уверена, что в нашего Дюка (так она назвала палевого голластого щенка) вселилась душа ее умершей горячо любимой мамы — так понимал и любил ее пес.

А пока эти теплые разноцветные комочки (они получились полосатые в маму, рыжие и палевые в папу, и даже парочка серебристых) с замшевыми вислыми ушками и треугольными хвостиками выражали полное благополучие и покой. Они ели или спали.

Но эти их треугольнички (толстенькие у основания, коротенькие и тонкие к концам) и вызывали у нас тревогу и тоску.

Дело в том, что боксерам купируют, т.е. обрезают хвостики в первые дни жизни. Позже это становится болезненной и даже опасной операцией. Мы прочли много специальной медицинской литературы по этой теме. А здесь в деревне ветеринар «коровий», т.е. с такой же практикой по хвостам, как и мы, но любит наших щенков меньше нас. Вот мы и решаем сами купировать хвосты.

Мы собираем ножницы у всех соседей — на каждый хвост свои стерильные ножницы. Вдеваем нитки в одиннадцать иголок — после купирования кожицу надо стянуть медицинскими швами. Ставим все это кипятить.

Через час с трясущимися от страха руками берем одного малыша. Герочка приподнимается и с тревогой смотрит на меня: «Не бойся, все будет хорошо, мы любим их!».

Отодвинув кожицу хвостика к его основанию, я заставляю себя сжать ножницы. Щенок слабо пискнул и продолжал спать в Олиных ладошках. Я быстро делаю несколько проколов и узелков — готово. Он даже не проснулся.

Но я так перенервничала, что остальным обрезаю хвостики дочка, я только зашиваю. Каждый раз, когда мы кладем «готовенького» и берем хвостатого, Герочка вылизывает ему мордочку — будто утешает — потом травмированный хвостик — после материнского языка все будет совершенно чисто и надежно.

Я обнимаю Герочку — благодарю ее за безмерное доверие к нам.

Владимир ЖУКОВ

Мама, я с тобой!

Рассказ «Мама, я с тобой» ведет вечную тему «человека-охотника» и убегающего зверя. Герои рассказа очковая медведица и ее медвежонок чудом спаслись от преследователей-охотников.

Медведицу разбудили голоса охотников. Они раздавались далеко, но благодаря эху горные обитатели слышат подобные звуки за несколько миль, а ее имя на местном наречии и вовсе означало «чуткая, осторожная».

Чуа-Унья поняла, что через каких-нибудь два часа пути охотники будут здесь, значит, надо быстро уходить. Она была истощена, но не после долгой спячки, а просто от бескормицы. Данный вид, *Tremarctos ornatus*, очковый, он же андский медведь, единственный из семей-

ства косолапых в здешних лесах, вообще не впадает в зимний сон.

Конечно, «очкарик» — по своим габаритам пигмей медвежьей популяции, к тому же самый растительный из всех собратьев. Но чтобы быстро восстановить силы с помощью одних лишь листьев, плодов и молодых побегов, даже ему этого недостаточно. Так что голод все равно выгнал бы их на поля, где Чуа-Унье пришлось бы задрать овцу или ламу. А значит, крестьяне все равно нажаловались бы на нее военным.

Но она думала не о себе, а о крохотном угольно-черном медвежонке, которого мы будем называть Чуа-Кьи, что значит «улыбающийся». У него и правда очень обаятельная мордочка с характерными белыми отметинами вокруг глаз и на груди, а еще легкий, добродушный нрав. С возрастом он мог бы превратиться в красавца-зверя, отца большого семейства и гордость этих горных лесов. Но для этого им надо было, не теряя ни минуты, подниматься еще выше в горы, все дальше за пределы этого благодатного пояса, к «холодной земле», как ее называли аборигены.

Охотников вели проводники. Неделю назад медведица слышала, как поблизости прострекотал армейский вертолет. Из-за этого она оставила тогда их привычное гнездо на дереве и спустилась с малышом сюда, под укрытие толстых корней в расщелине скалы, напоминавших растопыренную пятерню, где и обустроила их новую берлогу.

Медведица, конечно, не могла знать о тепловизоре — новом приборе у военных, экран которого отражал любой

скрытый источник тепла в лесу. Но она понимала, что охотникам не за чем больше подниматься сюда из предгорий, как за их жизнями, ее и Чуа-Кьи.

Ей не давала покоя другая мысль: отчего это охотники и не думают таиться. Прожив долгую, полную опасностей жизнь, она знала, что стрелки — а кроме человека у медведей в Андах не было врагов — всегда подкрадываются к добыче неслышно. Чуа-Унья хорошо помнила, как погибли ее брат и ее старшая дочь с детенышами.

Медведица еще раз недоверчиво потянула воздух — нет, человеческого духа она не учуяла. Но от охотников можно было ожидать любого коварства. И Чуа-Унья решила во что бы то ни стало держать свой чуткий нос по ветру. Для этого им надо было чуть спуститься навстречу охотникам и уж потом, сделав крюк, повернуть назад, к перевалу.

Она не догадывалась, что охотники были уже изрядно навеселе. И что они с самого начала разделились на две группы, подбиравшиеся к логову с разных сторон навстречу друг другу. Но хуже всего было то, что в одной из них двое солдат несли тот самый тепловизор. Это значило, что у них с детенышем появился еще один опасный и безжалостный враг.

Чуа-Унья шла уже около часа. Медвежонок цепко держался при этом за шерсть на материнской спине. И в общем нельзя сказать, чтобы она слишком устала, просто, наверное, на мгновение ослабила внимание. Тем ужаснее было то, что произошло потом. Под ее передней правой лапой, на которую она уже перенесла всю тяжесть своего тела — ведь медведи, в отличие, скажем, от собак, ставят лапу не на пальцы, а сразу на всю стопу — неожиданно оказалась пустота. И оба они скатились в невидимую, скрытую зарослями молодого папоротника расщелину.

Здесь царил полумрак, но Чуа-Унья, зоркий ночной охотник, мгновенно поняла, что они в западне. До поверхности было добрых пять футов и их шансы выкарабкаться из предстоящей передрыги, и без того призрачные, стали и вовсе никакими. Им оставалось только терпеливо дожидаться своей участи.

Как ей подсказывал опыт, спасти их могли лишь какие-то особые обстоятельства. Например, если бы среди охотников, явно не знакомых с международной «Красной книгой», оказалась женщина. Тогда смутная надежда сохранялась хотя бы для медвежонка.

Чуа-унья попробовала было зацепиться за каменные стены, чтобы привычно взобраться по ним наверх, как по стволу дерева, но ее мощные кривые когти оказались здесь бесполезны. И она сообразила, что ей остается — вытолкнуть малыша наверх. Конечно, самое большее через сутки он погибнет от голода и особенно ночного холода — очковые медведи вообще очень чувствительны к низким температурам, но выбора не было.

По дрожащему хвостику Чуа-Кьи было видно, как сильно он уже озяб и боится. Он не мог понять, чего от него хочет мать. Всегда ласковая и заботливая, она раз за разом, угрожающе рыча, выталкивает его наверх, а он упрямо скатывается пушистым мячиком обратно в ее объятия. Наконец, Чуа-Унье пришлось подкрепить свое неудовольствие сыном хорошеньким шлепком. Жалобно заскулив, Чуа-Кьи в очередной раз сверкнул розовыми, будто свежесмытыми пяточками, и, словно выпущенный катапультной, взлетел на край расщелины. И теперь он недоумевающе глядел оттуда своими черными глазенками на мать. Та еще раз грозно прикрикнула на него из ямы тем особым певучим рыком, который он хорошо знал.

В этот момент вдали вновь послышались какие-то звуки, явно инородные для этого леса. Только теперь они прозвучали гораздо ближе. Мать снова издала негромкий протяжный рык, на этот раз предупреждающий о близкой опасности. И Чуа-Кьи, кажется, ее понял. Понял, что они попали в какую-то беду.

Инстинкт подсказывал ему: надо быстро уходить — в сторону, противоположную от странных звуков. Но его маленькое сердце говорило ему, что если он уйдет, он никогда больше не увидит свою мать. Ему было очень страшно, и он не знал, что ему делать.

А Чуа-Унья тем временем пригнула голову — приняв позу, в которой медвежьи матери бросаются на защиту потомства, — и изготовилась встретить врага. Она чуяла запах медвежонка, понимала, что он никуда не ушел, но была уже не в силах что-либо изменить.

Между тем обе группы охотников, объединившись, двигались к ним по цепочке ее следов от берлоги и самое большее через час должны были быть здесь.

То, что произошло потом, проводники, прочитавшие по тем же следам малейшие нюансы этой истории, покачивая головами, назовут чудом. Дрожь от холода и страха, Чуа-Кьи попытался залезть на тонкое гибкое деревце, росшее на краю злополучной расщелины — невысокое, не выше десяти футов. Скорее, это даже был какой-то древовидный сорняк — многолетнее растение с толстым корневищем, каких тут, между камнями, было понатыкано великое множество.

Но по неопытности Чуа-Кьи забрался слишком высоко. Под тяжестью его тельца верхушка деревца согнулась, как лоза, и опрокинула медвежонка ... обратно в яму. И теперь он висел на нем, как на конце удочки, не решаясь разжать лапы и зажмурившись от страха перед гневом матери. А та глядела на этот спасительный канат, брошенный ей судьбой, не веря своим глазам. Весила она, наверное, не более ста фунтов, чуть больше десятилетнего ребенка, так что на «удочку» вполне можно было положиться, выдержит. Остальное уже, как говорится, было делом техники.

После столь чудесного вызволения судьба, конечно, не могла дать матери и ее малышу погибнуть. Петляя, им удалось тогда измотать преследователей и уйти у них из-под самого носа.

Чуа-Кьи прожил долгую и, в общем, беззаботную жизнь, став отцом многочисленного потомства.

Просто местные охотники после нашей истории всегда будут обходить его стороной, уважительно называя между собой Утук-Дуэя, то есть «счастливчик», а, может, и «маменькин сынок», что на местном наречии, впрочем, одно и то же.

Подготовила Марина КОРОТКОВА,
заведующая библиотекой Центра развития творчества детей
и юношества им. А.В. Косарева, Москва

Дорогие друзья!

Предлагаем сегодня вашему вниманию смешные “Загадки-обманки”.

На них нужно отвечать не в рифму, а по существу вопроса.

Например:

Заплетают Тани, Любы

Каждым утром туго ... (нет, не зубы, а косы)

**Удачи вам! И очень, очень ждем ваших писем с ответами! Мамы и папы,
бабушки и дедушки, дети и взрослые, пожалуйста, пишите нам!**

Загадки-обманки

*Раньше рифма помогала,
А теперь коварной стала.
Ты, дружок, не торопись,
На крючок не попадись!*

- **В супе много очень перца –
Ох, огнём пылает ... (не сердце, а
что?)**
- **Зубы ты почисть сначала,
Есть для этого ...**
- **Я всю ночь учил уроки –
Спать хочу, уж слиплись ...**
- **Просит бабушка Аркашу
Из редиски скушать ...**
- **Нам из яблок отождёт
Мама очень вкусный ...**
- **На верхней полке шкафа –
Очень высоко –
От нас с братишкой прячут
В вазе ...**
- **Надоили от коровки
Десять литров ...**
- **Вся хрипит, чихает Лада:
Съела много ...**
- **Съесть без сахара не струшу
Я, ребята, на спор ...**
- **Варенье изумрудное
варит нам Алина
Из ягоды зелёной,
что все зовут ...**
- **Белой мукою испачкан халат:
Мама пекла для детишек ...**
- **Если лишний вес у вас,
То нежирный пейте ...**